Дата поступления рукописи в редакцию: 09.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-17-23

БАДАЕВА Марита Ильдаровна,
адвокат, адвокатское бюро «Шварц и Партнеры»,
e-mail: mbadayeva@gmail.com

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКОЙ ВЛАСТИ И ПРАВ РЕБЕНКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ РЕБЕНКА 1989 г.

Аннотация. *В статье рассматривается одна из фундаментальных проблем семейного права – проблема понимания сущности и пределов родительской власти и ее соотношения с правами ребенка, с его личной автономией. Особое внимание автор обращает на проблему оспоримости родительской власти, задаваясь вопросом: допустимо ли рассмотрение в суде исков несовершеннолетних старше 14 лет против их родителей из ненадлежащего, по мнению ребенка, исполнения родителями их обязанностей по воспитанию? Автор предпринимает попытку проанализировать заданные вопросы сквозь призму положений основного международного договора в сфере прав ребенка – Конвенции о правах ребенка 1989 г. Автор приходит к выводу о том, что Конвенцией закреплен ряд прав, существо которых предполагает только самостоятельный способ их реализации, в связи с чем в Конвенции заложен принцип соразмерного уменьшения степени родительской власти по мере взросления ребенка. В результате исследования положений Конвенции о правах ребенка 1989 г. и доктринальных источников сделаны выводы о том, что в государствах различаются подходы относительно существа родительских прав, а именно того, чей интерес в первую очередь ими защищается – интерес ребенка в праве на получение родительской заботы или собственный интерес родителя в воспитании ребенка по своему усмотрению. Именно этот вопрос является определяющим при решении вопроса об оспоримости родительской власти.*

Ключевые слова: *гражданское процессуальное право, семейное право, родительская власть, автономия личности несовершеннолетних, Конвенция о правах ребенка 1989 г., конституционные права, автономия семьи.*

BADAYEVA Marita Ildarovna,
attorney, Schwartz & Partners Law Firm

THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP BETWEEN PARENTAL AUTHORITY AND THE RIGHTS OF THE CHILD THROUGH THE PRISM OF THE CONVENTION ON THE RIGHTS OF THE CHILD 1989

Annotation. *The article examines one of the fundamental problems of family law – the problem of understanding the essence and limits of parental authority and its relationship with the rights of the child, with his personal autonomy. The author pays special attention to the problem of the challenge of parental authority, asking the question: is it permissible to consider in court the claims of minors over the age of 14 against their parents because, in the opinion of the child, the parents improperly fulfilled their parenting duties? The author attempts to analyze the questions asked through the prism of the provisions of the main international treaty in the field of the rights of the child, the Convention on the Rights of the Child of 1989. The author comes to the conclusion that the Convention establishes a number of rights, the essence of which presupposes only an independent way to implement them, and therefore the Convention lays down the principle of a proportionate reduction in the degree of parental authority as the child grows up. As a result of the study of the provisions of the Convention on the Rights of the Child of 1989 Conclusions have been drawn from doctrinal sources that*

States have different approaches regarding the essence of parental rights, namely, whose interest is primarily protected by them – the child's interest in the right to receive parental care or the parent's own interest in raising the child at his discretion. It is this question that is crucial when deciding on the challenge of parental authority.

Key words: *civil procedure law, family law, parental authority, personal autonomy of minors, Convention on the Rights of the Child of 1989, constitutional rights, family autonomy.*

И. А. Покровский в начале прошлого века назвал «проблему личности в сфере семейственных отношений» одной из основных проблем гражданского права. Он считал интересы родителей и детей «коллидирующими», имея в виду противостояние родительской власти и самостоятельности личности несовершеннолетнего [4, 163].

На проблемность вопроса о существе родительской власти, содержании родительских прав и обязанностей, их соотношении с объективно возрастающей по мере взросления самостоятельностью ребенка указывали и другие ученые.

Так, Д. И. Мейер писал, что «воспитание – понятие такое общее, что юридическое содержание его теряется», задавался вопросом: «Как обсуждать обязательство приготовить дитя к какому-либо званию сообразно состоянию родителей? Вправе ли, например, родители, принадлежащие к сословию дворян…, приготовлять свое дитя к званию ремесленника, земледельца» [3, 762]?

Родительская власть – это правовой институт, существующий со времен римского права. Вот, как он описывался в русской дореволюционной правовой доктрине: «Родительская власть есть полное (конечно, в разумном согласно с нынешними понятиями смысле) подчинение детей указаниям родителей во всей их частной, а иногда и общественной жизни, с правом родителей, конечно, понуждать детей, иногда мерами довольно строгими, к следованию этим указаниям» [1, 513].

В современном законе термин «родительская власть» не закреплен – после 1917 г. он был заменен понятиями «прав и обязанностей» – однако сущностно это правовое явление, безусловно, сохранилось, поскольку без данного института невозможно было само воспитание как предполагающее определенную степень принуждения.

В качестве примеров законодательного отражения института родительской власти можно привести п. 31 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и ч. 2 ст. 22 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ. В приведенных нормах (1) родитель признается самостоятельным субъектом образовательных правоотношений с участием его ребенка (а не только законным представителем ребенка), (2) информация о состоянии здоровья ребенка старше 15 лет передается не только ему, но и его родителю (как и иным законным представителям). В последние годы заметна тенденция все более широкого социального признания родительской власти. Так, приведенное положение о передаче родителям подростков информации об их здоровье было введено в закон относительно недавно (в 2022 году), в то время как ранее врачебная тайна детей старше 15 лет была недоступна в том числе и родителям подростка. Нередко звучат в общественных обсуждениях предложения запретить детям пользоваться социальными сетями без согласия родителей. Перечень таких примеров можно продолжать.

Одним из проблемных вопросов семейного права был и остается вопрос о пределах родительской власти, о ее соотношении с правами ребенка (в первую очередь, правом на личную автономию) и, что особенно интересно, о ее оспоримости. Под последней мы понимаем возможность судебного оспаривания родительского воспитательного решения по иску ребенка.

Почвой для возникновения вопроса об оспоримости родительской власти являются в том числе положения ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (от 14.11.2002 № 138-ФЗ) и п. 2 ст. 56 Семейного кодекса Российской Федерации (от 29.12.1995 № 223-ФЗ).

По тексту приведенных законоположений, если понимать их буквально, то или иное решение родителей по вопросу, касающемуся жизни ребенка, которое предположительно ограничивает права ребенка (речь не идет о явных злоупотреблениях, таких как физическое насилие и пр. правонарушения, являющиеся основанием для лишения или ограничения родительских прав), может быть оспорено ребенком старше 14 лет в суде.

Примерами таких решений могут быть выбор родителем в противоречии с мнением ребенка той или иной школы/секции и т. д. или, наоборот, отказ оплатить занятия ребенка в выбранном им кружке/секции и пр. (как предполагаемое нарушение права на образование и всестороннее развитие (п. 2 ст. 54 Семейного кодекса РФ), запрет выхода из дома, словесные наказа-

ния (как предполагаемое нарушение права ребенка на уважение достоинства личности), лишение карманных денег (как предполагаемое нарушение права ребенка на получение содержания от своих родителей) и др. подобные примеры.

В настоящей работе не ставится вопрос о том, как именно с точки зрения семейного права должны решаться подобные ситуации (например, обязан ли родитель предоставлять карманные деньги или насколько родитель связан мнением ребенка при выборе образовательной организации).

Исследуемая проблема состоит в том, подлежат ли в принципе подобные споры судебному рассмотрению, то есть оспорима ли родительская власть.

Указанный вопрос является комплексным, и для ответа на него необходимо произвести анализ множества правовых и доктринальных источников. Более того, вопрос лежит не только в плоскости юриспруденции: он требует междисциплинарного исследования в областях культурологии, истории и философии.

В настоящей статье мы предлагаем проанализировать в свете обозначенной проблемы ключевой международно-правовой документ, закрепляющий права ребенка, – Конвенцию о правах ребенка 1989 г. – и попытаться выяснить, как в ней решен вопрос о пределах родительской власти.

Международное сообщество неоднократно обращалось к вопросу закрепления прав ребенка на уровне международного договора. Вопрос о признании ребенка самостоятельным носителем прав – один из ключевых вопросов повестки международного права на протяжении двадцатого столетия.

Хотя на пути достижения этой цели было принято три универсальных международно-правовых документа, Конвенция о правах ребенка 1989 г. стоит в их ряду особняком.

Во-первых, она стала первым обязывающим страны-участницы документом. Принятые ранее Женевская декларация прав ребенка 1924 г. и Декларация прав ребенка 1959 г. (принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) являлись декларациями, в то время как Конвенция 1989 г. имеет статус международного договора.

Во-вторых, в ней впервые применительно к несовершеннолетним используется риторика прав. Вышеупомянутые Декларации 1924 г. и 1959 г. существуют в системе координат «принципов» и «гарантий». Так, в Женевской декларации закреплялись лишь общие принципы гуманного обращения с детьми, направленные на обеспечение их безопасности и благополучия.

Декларация 1959 г. уже использует словосочетание «права ребенка», однако речь в ней идет только о тех правах, реализовать которые можно лишь с помощью взрослых: так называемых «негативных» (на защиту от любых форм дискриминации, от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации) и «позитивных» (на социальную защиту для достойного развития, на родительскую заботу, на образование и пр.).

Конвенция 1989 г. от ранее возникших документов отличается тем, что в ней впервые нашли отражение так называемые «права участия» [9, 123], то есть права, опосредующие возможность самостоятельного участия ребенка в жизни гражданского общества. К ним относят закрепленные в Конвенции права на свободное выражение взглядов по всем затрагивающим ребенка вопросам, их учет и придание им должного значения, свободу слова, мысли, совести и религии, ассоциаций и мирных собраний.

В классификации притязаний гражданина при описании его административно-правового статуса немецкий юрист Г. Еллинек относил такие права (за исключением специфического «детского» права, провозглашенного Ковенцией, на свободное выражение взглядов по всем затрагивающим ребенка вопросам) к группе «status activus» – притязания гражданина на участие в политической жизни, на формирование государственной воли.

С точки зрения концепции родительской власти закрепление в Конвенции подобных прав представляет сложность. С одной стороны, такие права по самому своему существу не могут и не должны реализовываться под чьим-либо руководством, и это вступает в конфликт с институтом родительского контроля: трудно представить себе реализацию подростком, к примеру, свободы ассоциаций, если родитель, не одобряющий цели такой ассоциации, вправе запретить ребенку в нее вступать. Иными словами, такие права характеризуются тем, что пользование ими возможно только целиком по собственному усмотрению. Вмешательство родителей с несовпадающими взглядами в данном случае не просто ограничивает, а, как правило, блокирует осуществление подобных прав.

В то же время данную правовую коллизию можно решить, если считать, что Конвенция, закрепляя данные права и свободы, связывает обязанностью считаться с ними лишь государства, но не родителей. Иными словами, если предположить, что такие права строго «вертикальны», не обладают так называемым «горизонтальным эффектом» (то есть не связывают частных лиц, а направлены только против публичного субъекта, который обязывается уважать данные права и несоразмерно их не ограничивать), то

столкновения с родительской властью не происходит. При таком варианте толкования Конвенции необходимо прийти к выводу о том, что родители вправе осуществлять свою власть в том числе и в ситуации, когда она препятствует реализации ребенком обсуждаемых «прав участия».

Такое понимание обсуждаемых норм отнюдь не лишено смысла: при данном варианте толкования он состоит в том, что страны-участницы обязуются предоставить своим несовершеннолетним гражданам конституционную гарантию конвенционных прав, то есть не ограничивать в их реализации по признаку возраста. Родительское же влияние, в том числе запрет, блокирующий реализацию «права участия», при этом не исключается.

Конвенция дает определенные основания придерживаться такого подхода.

Во-первых, в ней отсутствуют нормы, исключающие родительскую власть.

Во-вторых, Конвенция, напротив, устанавливает, что государства-участники уважают право родителей в том числе на управление и руководство ребенком при реализации им признанных Конвенцией прав (статья 5). При этом Конвенция не делает исключений, не выводит из-под действия такого «управления и руководства» какие-либо права.

В-третьих, в обсуждаемом международном договоре провозглашается, что родители несут основную ответственность за воспитание и образование ребенка (статья 18). Это положение также косвенно подтверждает признание Конвенцией власти родителей, бремя ответственности за воспитание в отсутствие права контролировать ребенка неисполнимо.

В то же время в Конвенции закреплено положение, отчасти размывающее высказанные аргументы: в вышеупомянутой ст. 5 указывается, что уважается право родителей «управлять и руководить ребенком...и делать это в соответствии с развивающимися способностями ребенка». В этой же смысловой канве находится ст. 14 Конвенции, закрепляющая право ребенка на свободу мысли, совести и религии и право родителя руководить ребенком при осуществлении данного права «методом, согласующимся с развивающимися способностями ребенка».

Оговорка «в соответствии с развивающимися способностями ребенка» может быть понята двояко. С одной стороны, речь может идти о том, что Конвенция не признает чрезмерную родительскую власть (а государства-участники, соответственно, не обязуются давать ей защиту), не соответствующую уровню зрелости ребенка, а ее проявления не защищены от государственного вмешательства. Косвенно это может свидетельствовать о том, что в Конвенции заложено положительное отношение к возможности оспорить в суде родительское решение, не соответствующее степени зрелости ребенка.

Это положение, однако, можно прочитать и иначе: указание на «соответствие с развивающимися способностями» может означать, что Конвенция защищает право родителя самостоятельно определять степень своей вовлеченности в жизнь ребенка, меру своего контроля над ним. Исходя из этой позиции, в данной норме заложена не обязанность родителя соизмерять проявление семейной власти с уровнем зрелости ребенка, а право на это. Иными словами, в этой оговорке Конвенция описывает родительскую власть (но не предписывает ей быть таковой) как изменяющееся во времени, нестатичное явление.

В одном из официальных комментариев Организации Объединенных Наций к Конвенции можно найти поддержку первого подхода. Так, его авторы считают, что надлежащее родительское руководство ребенком во всяком случае должно позволять ребенку осуществлять свои права [11]. Как видим, авторы комментария не разделяют сделанное нами выше предположение о том, что в Конвенции принципиально не отрицается возможность блокирования родительской волей реализации ребенком права из числа status activus.

Авторы комментария идут дальше и указывают, что Конвенция ограничивает методы воспитания теми, что соответствуют развивающейся компетенции ребенка. В комментарии приходят к выводу о том, что по мере взросления ребенка во взаимодействии родителя и ребенка все более должно проявляться равенство, а не подчиненность, а родительские приказы должны со временем быть заменены «напоминаниями и советами».

Даже если согласиться с позицией комментария (что мы считаем поспешным), он не отвечает на возникающий в связи с его тезисами вопрос: если Конвенция устанавливает некий образец воспитания, защищает ли она право на воспитание, если применяемые родителем методы не соответствуют такому «стандарту»? Может ли Конвенция быть прочитана как дающая возможность государствам-участникам вмешаться в воспитание, если оно не соотносится с «развивающимися способностями ребенка»?

Вопрос о возможности обращения в суд против собственного родителя, сформулированный в начале настоящей статьи, в Конвенции прямо не решается. В одном из официальных комментариев комитета ООН по правам ребенка высказана точка зрения, согласно которой конвенционные права должны подлежать судебной защите, а подписанты Конвенции обязаны создавать процедуры, приемлемые для детей и обеспечивающие доступ последних к правосудию [12].

Этот тезис, однако, едва ли можно считать аргументом в пользу возможности исков детей против родителей: скорее, речь идет о «генеральном» праве детей на судебную защиту, наличие которого еще не означает возможности оспаривать родительские решения, поскольку оспоримость таких решений – вопрос не права на судебную защиту, а вопрос того, могут ли родительские решения принципиально быть предметом судебного рассмотрения.

Несмотря на чрезвычайно широкое признание и одобрение Конвенции мировым сообществом, документ все еще не ратифицирован США. Это единственная страна ООН, не присоединившаяся к Конвенции.

Неприсоединение США к Конвенции трудно объяснимо и вызывает закономерные вопросы, попыткам ответить на которые зарубежные исследователи посвятили немало работ.

Одна из самых широко распространенных в литературе гипотез относительно неприсоединения США к Конвенции состоит в противоречии ст. 12 Конвенции подходам к восприятию ребенка в правовой системе США [10, 703]. Ст. 12 предоставляет ребенку, «способному сформулировать свои собственные взгляды, ... право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка».

Как указывают авторы, правопорядок США в силу слабости и недостаточной зрелости несовершеннолетних не признает за ними автономию личности, на защиту которой направлена ст. 12 Конвенции.

Родительская же власть, наоборот, защищается в США в качестве конституционной свободы, не подлежащей чрезмерному вмешательству государства [13]. В доктрине можно встретить ее оценку как одной из важнейших, наиболее строго охраняемых конституционных прав [7, 23].

Данный подход формулировался Верховным Судом США в нескольких прецедентах XX века, касающихся вопросов детского образования [14]. Суд в данных делах выразил позиции, согласно которым имеют конституционное значение права родителей по своему усмотрению управлять воспитанием и образованием детей, в том числе выбирать язык обучения [15], перевести ребенка на домашнее обучение [16], а также прекратить занятия ребенка в той или иной школе по религиозным мотивам родителя [17]. Верховный Суд США в данных делах подчеркивал, что «ребенок не творение государства» [18] и «фундаментальные интересы родителя в заботе о ребенке, опеке и контроле не исчезают от того, что он не является образцовым родителем» [19].

М. Гуггенхейм в этой связи указывает, что закрытость, защищенность семьи в целом и родительской власти в частности от излишнего вмешательства государства – ключевая общественная ценность. Автор считает, что невозможно отделить вопросы отношений семьи и государства от глобальных культурных и политико-философских вопросов. Родительские права, с его точки зрения, обеспечивают не только и не столько личные интересы родителей и детей, сколько служат на благо общественным интересам и ценностям.

Одно из объяснений такого подхода заключается в так называемой доктрине «предшествования» [8, 462], суть которой состоит в принятии того, что родительская власть (порожденная самой природой) предшествовала власти государственной, а семейная общественная структура – структуре государственной. Из этой посылки последователи доктрины приходят к выводу о том, что государство, будучи вторичным по отношению к семье образованием, не может вмешиваться в организацию семейных отношений без того чтобы не разрушить собственный «генетический код».

Интересно подчеркиваемое исследователями различие американского и европейского подходов к пониманию сути родительских прав. Так, в одной из работ [10, 706] указывается, что в Германии благополучие ребенка рассматривается как цель реализации родительских прав, в Англии и Уэльсе и вовсе заметна тенденция замены концепции родительских прав на концепцию родительских обязанностей. В правовой же доктрине США акценты расставлены иначе: право родителя управлять, контролировать ребенка считается обеспечивающим, прежде всего, собственный, родительский интерес в воспитании и обучении ребенка в соответствии со своими личными убеждениями, аутентично, без «подсказок» извне [6, 211]. В этом смысле возможность самостоятельно решать, что для ребенка лучше, вырастить из него взрослого, похожего на себя, заложить в его сознание собственные взгляды – часть того блага, к которому стремятся, становясь родителями. Говоря иначе, родительские права в американской доктрине не воспринимаются как служебный правовой конструкт, лишь обеспечивающий интересы ребенка – прежде всего, их рассматривают как инструмент обеспечения собственного родительского интереса в воспитании ребенка по своему усмотрению [6, 221].

Итак, восприятие родительских прав как конституционных, по мнению ранее упомянутых авторов, обусловливается следующим. Во-первых, родительские права выступают гарантией от

несоразмерного вмешательства государства в личную жизнь семьи. Иными словами, признавая за родителями право воспитывать детей по своему усмотрению, государство тем самым ограничивает себя в навязывании родителям того или иного образа воспитания детей. Во-вторых, родительские права, понятые как в том числе право воспитать детей по собственному усмотрению, защищают другую конституционную ценность – право на продолжение рода, поскольку последнее, очевидно, не ограничивается только возможностью произвести детей на свет, но включает в себя право передать им собственные взгляды и ценности, то есть «продолжить род» в социальном смысле.

Схожую позицию можно встретить в трудах русских ученых юристов. Так, В. А. Рясенцев обосновывал, что указание закона о целевом характере родительских прав (положение о том, что они реализуются исключительно в интересах детей) «не умаляет …и не лишает их самостоятельного значения» [5, 349]. В. А. Рясенцев подчеркивал необходимость разграничения действий родителя, осуществляемых им от имени ребенка, от тех, с помощью которых он реализует собственное, родительское, право. К последним автор относил в том числе действия по определению ребенка в «среднюю школу, музыкальное училище», приглашению к нему няни, преподавателя и т. д., поскольку «право на воспитание ребенка предполагает возможность выбора места и метода воспитания и обучения» [5, 349].

Эту идею разделял и Г. М. Свердлов: «родительское право охраняется социалистическим государством не только потому, что это на пользу детям, но и потому, что охраной родительского права обеспечиваются существеннейшие интересы отца и матери, обеспечивается полноценное и разносторонне развитие их личности» [2,57].

Проведенный анализ показал следующее.

Вопрос о соотношении родительской власти и прав ребенка в Конвенции о правах ребенка 1989 г. рассматривается сквозь призму постепенного сокращения объема родительской власти по мере взросления ребенка, роста его сознательности и личной компетенции. Одна из основных причин такого подхода состоит в том, что Конвенцией за ребенком закреплен ряд прав, существо которых исключает возможность их реализации под контролем родителей (в том числе свобода слова, мысли, совести и религии, свобода ассоциаций и мирных собраний). Вопрос о праве ребенка на иск против собственного родителя для цели преодоления родительской власти Конвенцией не решен (и, как представляется, не может быть решен, поскольку едва ли настолько сложный и острый вопрос может стать предметом консенсуса более чем 190 стран-участниц Конвенции).

Хотя в исторической перспективе заметна тенденция закрепления за детьми все большего объема прав (принятие Конвенции 1989 г. и подписание ее столь большим числом государства стало знаковым моментом на этом пути), в мировой практике подходы к пониманию сущности таких прав, а также сущности родительской власти, родительских прав и обязанностей различаются.

Анализ таких различий показал, что ключевой пункт, предопределяющий всю структуру правового регулирования отношений родителя и ребенка, отношение правопорядка к таким отношениям, – это вопрос о том, чей интерес первостепенно защищается родительскими правами: интерес ребенка в получении от родителей воспитания, образования и материального обеспечения или собственный интерес родителей в продолжении рода в широком смысле этого выражения, то есть в воспитании ребенка с чертами характера, взглядами и убеждениями, близкими родителю. Служебны ли родительские права по отношению к интересам несовершеннолетних или имеют самостоятельную ценность, независимую от обеспечения интересов ребенка? Действительно ли родительские права – это лишь средство реализации родительских обязанностей, или они имеют собственное содержание?

Чем четче мы видим в содержании родительских прав компонент самоценности, не зависящей от обеспечительной по отношению к интересам ребенка функции, тем более мы должны склониться в пользу неоспоримости родительской власти, то есть невозможности ее преодолеть иском ребенка против родителя. Напротив, заняв позицию о том, что родительские права существуют только для исполнения родительских обязанностей и что у родителей нет собственного интереса в осуществлении родительской власти, отличного от интересов ребенка, мы, по-видимому, не сможем категорически отрицать тезис о возможности судебного оспаривания родительских решений (или, как минимум, должны будем привести веские аргументы против него).

В данной работе нам следует остановиться на обозначенных выводах, поскольку вопрос о том, какой из указанных (или отличающийся от них) подходов относительно сущности родительских прав присущ российскому правопорядку, – предмет самостоятельного исследования, выходящий за пределы настоящей статьи.

Список литературы:

[1] Гражданское уложение. Книга вторая. Семейственное право. Проект Высочайше учре-

женной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения. Том первый. Ст. 1 – 349. С объяснениями. – Санкт-Петербург, 1902. – 655 с.

[2] Г. Свердлов, Право на воспитание и судебные споры о детях. – Советское государство и право. - №5-6. – 1940. – с. 52-71.

[3] Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Статут, 2021. – 846 с.

[4] Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – 6-е изд., стереот. – М.: Статут, 2013. – 351 с.

[5] Рясенцев В. А. Представительство и сделки в современном гражданском праве. – М.: Статут, 2006. – 603 с.

[6] Altman, S. Parental Control Rights. In Philosophical Foundations of Children's and Family Law.: Oxford University Press. 2018.

[7] Guggenheim, Martin. What's Wrong with Children's Rights, Harvard University Press, 2007.

[8] Hafen, Bruce C., and Jonathan O. Hafen. "Abandoning Children to Their Autonomy: The United Nations Convention on the Rights of the Child." Harvard International Law Journal, vol. 37, no. 2, Spring 1996.

[9] John Wall. Ethics in Light of Childhood. Georgetown University Press; 2010.

[10] Lee, Soo Jee. A Child's Voice vs. a Parent's Control: Resolving a Tension between the Convention on the Rights of the Child and U.S. Law. Columbia Law Review, vol. 117, no. 3, April 2017.

[11] UN Committee on the Rights of the Child (CRC), General comment No. 12 (2009): The right of the child to be heard, CRC/C/GC/12, 20 July 2009, available at: https://www.refworld.org/legal/general/crc/2009/en/70207 [accessed 02 February 2026]

[12] UN Committee on the Rights of the Child (CRC), General comment no. 5 (2003): General measures of implementation of the Convention on the Rights of the Child, 27 November 2003, CRC/GC/2003/5, available at: https://www.refworld.org/docid/4538834f11.html.

[13] Американская доктрина и практика до сих используют термин «parental authority» наряду с «parental rights».

[14] Например, «Мейер против штата Небраска», «Пирс против Общества Сестер», «Штат Висконсин против Йодера».

[15] Meyer v. Nebraska, 262 U.S. 390 (1923).

[16] Pierce v. Society of Sisters, 268 U.S. 510 (1925).

[17] Wisconsin v. Yoder, 406 U.S. 205 (1972).

[18] Pierce v. Society of Sisters, 268 U.S. 510 (1925).

[19] Santosky v. Kramer, 455 U.S. 745, 753 (1982).

References:

[1] Civil Code. Book two. Family law. Draft of the Highly Established Drafting Committee for the Drafting of the Civil Code. Volume one. Art. 1 – 349. With explanations. - St. Petersburg, 1902. - 655 s.

[2] G. Sverdlov, The right to upbringing and litigation about children. - Soviet state and law. - №5-6. – 1940. - p. 52-71.

[3] Meyer, D. I. Russian Civil Law/D. I. Meyer. - 4th ed., Rev. and add. - Moscow: Statute, 2021. - 846 p.

[4] Pokrovsky I. A. The main problems of civil law. - 6th ed., Stereot. - M.: Statute, 2013. - 351 s.

[5] Ryasentsev V. A. Representation and transactions in modern civil law. - M.: Statute, 2006. - 603 s.

[6] Altman, S. Parental Control Rights. In Philosophical Foundations of Children's and Family Law.: Oxford University Press. 2018.

[7] Guggenheim, Martin. What's Wrong with Children's Rights, Harvard University Press, 2007.

[8] Hafen, Bruce C., and Jonathan O. Hafen. "Abandoning Children to Their Autonomy: The United Nations Convention on the Rights of the Child." Harvard International Law Journal, vol. 37, no. 2, Spring 1996.

[9] John Wall. Ethics in Light of Childhood. Georgetown University Press; 2010.

[10] Lee, Soo Jee. A Child's Voice vs. a Parent's Control: Resolving a Tension between the Convention on the Rights of the Child and U.S. Law. Columbia Law Review, vol. 117, no. 3, April 2017.

[11] UN Committee on the Rights of the Child (CRC), General comment No. 12 (2009): The right of the child to be heard, CRC/C/GC/12, 20 July 2009, available at: https://www.refworld.org/legal/general/crc/2009/en/70207 [accessed 02 February 2026]

[12] UN Committee on the Rights of the Child (CRC), General comment no. 5 (2003): General measures of implementation of the Convention on the Rights of the Child, 27 November 2003, CRC/GC/2003/5, available at: https://www.refworld.org/docid/4538834f11.html.

[13] American doctrine and practice still use the term "parental authority" along with "parental rights."

[14] For example, "Meyer v. State of Nebraska," "Pierce v. Society of Sisters," "State of Wisconsin v. Yoder."

[15] Meyer v. Nebraska, 262 U.S. 390 (1923).

[16] Pierce v. Society of Sisters, 268 U.S. 510 (1925).

[17] Wisconsin v. Yoder, 406 U.S. 205 (1972).

[18] Pierce v. Society of Sisters, 268 U.S. 510 (1925).

[19] Santosky v. Kramer, 455 U.S. 745, 753 (1982).